

Мо Цяошэн мог слабо слышать звук тихого бормотания людей где-то на стороне.

Он очнулся от глубокого сна и обнаружил, что все его тело ломит от невыносимой боли.

Но физическая боль была для него обычным явлением, он привык к ней.

Гораздо больше его беспокоило то, что сейчас он лежал на теплой и уютной кровати с мягкими сухими подушками.

В комнате было приятно и тепло, без малейшего намека на холод. Тонкое шелковое одеяло мягко прикрывало его спину, не касаясь раны на нижней части тела.

Он смутно ощущал присутствие людей вокруг себя, поэтому был настороже и не сразу открыл глаза.

Он услышал звук, похожий на тихий разговор двух слуг.

- Этот человек выглядит очень заурядно. Интересно, почему он так понравился господину?

- Да. Господин не приближается ни к Сяо Сю, ни к Лу Яо. Только посмотрите на все эти шрамы на его теле, такие отвратительные!

Один из них засмеялся и сказал:

- Может быть, у него исключительные навыки.

Другой мужчина усмехнулся и ответил:

- Почему бы и нет? Я слышал, он приглянулся господину на банкете у маркиза Вэйбэя. После господин привёл его к себе в палатку и заставил служить себе всю ночь. С тех самых пор господин не может его забыть.

- Тц-тц, господин даже дошел до того, что отдал за него лошадь, оставленную ему в благословение старым маркизом.

- Он действительно ходячее бедствие. Вы даже не представляете, как эти старые министры говорили об Его Высочестве.

Мо Цяошэн сжал кулаки, спрятанные под шелковым одеялом.

Он медленно припомнил события вчерашнего дня.

Этот дворянин, нет, теперь он уже мой хозяин.

Господин нежно гладил меня по голове своими теплыми руками.

Он позаботился обо мне и даже дал лекарство, чтобы облегчить мою боль.

И даже лично напоил меня.

Он был так добр, даже порылся в своих вещах, чтобы найти соломинку, чтобы мне не пришлось поднимать голову, чтобы выпить лекарство, которое такой раб, как я, не имеет права пить.

Господин взвалил на свои плечи такой позор, и все из-за того, что я дернул его за штаны и умолял о помощи, в итоге заставив его обменять меня на свою драгоценную лошадь.

Господин был так великодушен, приложил все усилия, чтобы дать мне лучшее лечение.

Но...

Мо Цяошэн вспомнил, что сказал доктор перед тем, как он заснул.

"Он не должен больше думать о сражениях или занятиях боевыми искусствами. Это не помешает ему в постельных делах."

Значит, отныне я могу полагаться только на этот отвратительный способ выживания и влачить столь постыдное существование?

Что вообще есть хорошего в рабе вроде меня, кроме того, что я уже запятнал репутацию моего Господина?

Мо Цяошэн внезапно почувствовал острое сожаление. Если бы только в тот раз я смог стерпеть...

Он вспомнил тех трех отвратительных дворян.

Один из них протянул к нему свою высохшую, как кора, руку, ущипнул за щеку и попытался засунуть палец в рот.

Нет! Волна ярости снова поднялась в его сердце. Я лучше умру!

Ну почему я тогда не умер?

Почему протянул свою недостойную руку и умолял Господина о помощи? Я впутал в это дело такого доброго человека...

Сейчас они все плохо отзываются о моем Господине только из-за меня.

А я, раб, уже наполовину калека, больше не смогу укреплять авторитет своего Господина.

Не будет другого шанса обменять меня на эту драгоценную лошадь.

В тот момент Чэн Цянье не знала, что Мо Цяошэн упал в пропасть, наполненную глубоким сожалением и раскаянием.

Она сидела в боковой комнате, наигрывая на гучжэне*.

* Гучжэн (кит. упр. 古筝, пиньинь gǔzhēng) — традиционный китайский инструмент. Принадлежит к семейству цитры, родственен кото и цисяньцин. От последнего отличается количеством струн и конструкцией струнодержателя.

Ее белые запястья согнулись, когда затих последний слабый звук песни*.

*古筝 Цитра мелодия «Три жизни, три мили и десять миль персикового цвета»

<https://youtu.be/But71AOIrxs>

Сяо Сю и Лу Яо захлопали в ладоши.

- Ваше Высочество, ваши навыки игры на гучжэне значительно улучшились. Сю-эр, кажется, никогда раньше не слышал этой песни. - сказал Сяо Сю, его глаза сияли обожанием.

Чэн Цянье подняла руки к глазам и увидела болезненные кончики пальцев. Удивительно, но в эту эпоху не было специальных отмычек для музыкальных инструментов*.

*Пальчиковые отмычки - это фальшивые ногти, сделанные из черепаший панциря, которые музыканты, играющие на гучжэне, наклеивают себе на ногти, чтобы щипать струны, не повреждая пальцы.

Чэн Цянье понятия не имела о шести искусствах благородного человека этой эпохи*.

*Шесть искусств благородного человека легли в основу образования в Древнем Китае. Они состояли из обрядов, музыки, колесницы, стрельбы из лука, каллиграфии и математики.

К счастью, когда она была еще ребенком, мать заставила ее присоединиться к классу игры на гучжэне, и таким образом она достигла десятого уровня.

Теперь, в этом мире без каких-либо электронных устройств, это умение, которое Чэн Цянье ненавидела изучать, стало ее единственным источником развлечения.

Она взяла кисть для письма и лист бумаги, нарисовала рисунок и отметила на нем размеры.

Чэн Цянье поманила Лу Яо.

- Сделай это для меня из черепахового панциря. Он должен быть гладко отполирован со всех сторон и должен быть подходящей толщины.

Лу Яо был обаятельным мужчиной с красивой внешностью и живописными глазами.

Он осторожно взял листок бумаги, прежде чем спрятать его у себя на груди.

- Я немедленно найду хороший черепаховый панцирь и поручу хорошему мастеру поработать над ним. Я не разочарую моего господина.

Сказав это, он вытащил из-за пазухи маленькую шкатулку черного дерева своими изящными пальцами и осторожно открыл ее перед Чэн Цянье.

- Это некоторые из последних безделушек. Мой господин может взглянуть и посмотреть, есть ли там хорошие. - он заискивал перед ней другим способом.

Сяо Сю тайком презрительно скривил губы.

Он знал, что Цзы Юй-гун всегда любил изящные безделушки, такие как нефритовые украшения и драгоценные камни, прежде чем стать Маркизом Цзинь.

Лу Яо, заняв должность управляющего, несмотря на то, что он стал проводить меньше времени с господином, все же мог делать гораздо больше вещей, чтобы угодить ему.

"Может быть, мне тоже стоит подумать о смене должности." - задумался Сяо Сю.

Нет, нет. В последнее время мой господин относится ко мне гораздо лучше, чем раньше. Я не могу сейчас оставить его и позволить этому Мо Цяошэну воспользоваться моим отсутствием.

Чэн Цянье порылась в маленькой коробочке.

- Они прекрасны.

Будучи женщиной, она, как прежде, восхищалась этими драгоценными камнями и жемчужинами.

Она вытащила из шкатулки большой сапфир и подняла его в воздухе, наблюдая, как луч света проходит сквозь него.

Лу Яо придвинулся ближе и радостно сказал:

- У моего господина острый взгляд. Это драгоценный камень из западных

регионов первоклассной чистоты, чрезвычайно редкий.

Это действительно красиво. Я не знаю, сколько будет стоить такой огромный и чистый драгоценный камень в наше время.

Но все же он был гораздо более тусклым по сравнению с цветом ауры Мо Цяошэна.

Синий цвет ауры Сяо Мо был похож на чистый ледник или огромный океан.

В сравнении с таким прекрасным сиянием даже такой прекрасный драгоценный камень тускнел и терял свое величие.

Прошло уже довольно много времени с тех пор, как она в последний раз навещала его.

Чэн Цянье бросила камень обратно в шкатулку.

- Лу Яо. - теперь она чувствовала, что должна кое о чем напомнить главному управляющему.

Лу Яо поклонился и внимательно слушал.

- Я разрешил тебе заниматься моими повседневными делами, потому что ты мне нравишься и я тебе доверяю. Ты, кажется, очень хорошо справляешься в эти дни. Твоя способность разбираться в моих симпатиях и держать все в порядке действительно заставляет меня чувствовать себя непринужденно.

Лу Яо приподнял нижний край своей мантии, прежде чем опуститься на колени.

- Это долг этого ничтожного, этот слуга не заслуживает похвалы моего господина. Этот ничтожный тронут до слез тем, что его так ценит мой господин. Этот ничтожный всегда помнит о доброте моего господина и усердно трудится каждый день, боясь, что он может совершить ошибку и разочаровать моего господина.

- Надеюсь, ты действительно так думаешь. - Чэн Цянье пристально взглянула на меняющийся цвет его ауры. - Знаешь, когда ты занимаешь такое положение и имеешь больше власти, вокруг будет больше соблазнов и больше людей, завидующих тебе. Люди будут все время наблюдать за тобой, надеясь поймать тебя на неправильных поступках и донести об этом мне.

Спина Лу Яо покрылась холодным потом.

Он украдкой взглянул на злорадствующего Сяо Сю.

Мог ли этот мальчишка пойти и обвинить меня за моей спиной? Или это был тот торговец одеждой, который пару дней назад отказался давать комиссионные? Или мой господин узнал о

том куске нефрита, который я спрятал?

В прошлом господин всегда был щедр и никогда не заботился о счетах и деньгах, пока все шло хорошо. Теперь ветер переменился.

Когда он подумал о непредсказуемом характере Маркиза Цзинь Юэ и его жестоких методах, его сердце наполнялось страхом.

- У тебя хорошие управленческие способности, и ты служишь мне много лет, так что я могу относиться к этому так, словно не замечаю незначительных деталей. Однако всему должна быть мера. Если ты переступишь черту, то не сможешь вернуться назад и служить мне, живя той же жизнью, что и прежде.

Лу Яо поклонился, дрожа и умоляя о прощении.

- Ладно, забудь о предыдущих делах. Ты можешь уйти первым.

Чэн Цяньэ махнула рукой. На самом деле она ничего не знала, но в последнее время хорошо видела, что аура Лу Яо всегда окрашивалась цветом, означающим жадность и желание, который имел тенденцию увеличиваться.

Поэтому она намекнула ему, напоминая.

Чэн Цяньэ не ожидала, что заставит его дрожать от страха. Похоже, за последние несколько дней главный управляющий хорошо обогатился.

В это время в комнату вошел Сяо Цзинь.

Он видел, как Чэн Цяньэ улыбается маленькому питомцу Цзы Юй-гуна, копаясь в шкатулке с драгоценными камнями.

Сяо Цзинь вздохнул в своем сердце.

На самом деле это была принцесса, которая выросла во внутреннем дворце, будучи всячески оберегаема и избалована.

Столкнувшись с безвременной смертью отца и брата, она была вынуждена изо дня в день одеваться как мужчина и нести бремя правителя вассального государства.

Но, кроме нее, остальные отпрыски старого маркиза были еще слишком молоды.

Правитель отсутствовал, страна была слаба и окружена сильными врагами. Боюсь, что день, когда эта нация будет завоевана, не за горами.

Я могу только помогать принцессе сейчас и ждать, пока вырастут другие сыновья, прежде чем

найти какое-то решение.

Чэн Цянье увидела входящего Сяо Цзиня и поспешно уступила ему место.

В то же время она убрала драгоценности и отослала всех посторонних.

Сяо Цзинь был первым человеком, который помог ей с тех пор, как она переселилась.

Поэтому она чувствовала большое доверие и уважение к этому человеку.

Она не забыла сказать Сяо Сю, который стоял у двери:

- Сяо Сю, иди и присмотри за Сяо Мо для меня. Пойди посмотри, не проснулся ли он.

Сяо Цзинь поднялся на ноги и аккуратно спрятал руки в рукава, прежде чем поклониться.

- До этого чиновника дошли слухи, что Ваше Высочество обменяли белого с бурыми пятнами коня на раба?

Чэн Цянье коснулась своей головы, чувствуя себя несколько смущенной.

- Я могу объяснить. Этот раб выглядит очень обыкновенно. Меня не прельстила его внешность.

Она тихо сказала в своем сердце: Сяо Мо не обладает утонченностью, как эти красавчики, но, насколько я понимаю, он очень красив, и это его внутренняя красота. Но я не стану рассказывать тебе об этом.

- Он был первым воином, который прорвался на городские стены, когда мы осадили город в тот день, и я по достоинству оценил его талант. Вчера я выехал из города и чуть не упал с лошади. К счастью, он спас мне жизнь.

- Я не мог просто безучастно смотреть, как Маркиз Вэйбэй, этот старый урод, избивает его до смерти. В тот отчаянный момент у меня не было другого выбора, кроме как обменять лошадь на его жизнь.

Сяо Цзинь вздохнул и сел.

- Доброта моего господина это благословение народа. Просто все это вредит авторитету моего господина. Этот чиновник надеется, что в будущем такого рода вещи будут случаться реже.

Тело Сяо Цзиня было окружено аурой землисто-красного цвета, теплой и мягкой,

обладающей чем-то вроде медного поблескивания, которое не затухало в течение длительного времени.

Эта аура окаймлялась тонкой золотой кромкой. В этот момент золото, символизирующее верность, казалось, немного потускнело.

Чэн Цянь поняла, что преданность ей Сяо Цзинь была просто эмоциональным продолжением его чувств к старому Маркизу Цзинь и Цзы Юй-гуну.

Он поставил меня в такое положение только потому, что у него нет другого выхода. На самом деле он презирает меня.

Чэн Цянь вдруг почувствовала, что сыта по горло.

Неужели ты думаешь, что мне действительно нравится занимать это место? Здесь нет ни компьютеров, ни мобильных телефонов, ни другой электроники.

Кровь, сражения и убийства каждый день. Я бы ни за что не заняла это место, если бы это не было ради спасения моей жизни.

Сяо Цзинь все еще был там и рассуждал:

- В эти дни войска других правителей покидают город один за другим. Мы должны сделать свой ход в ближайшее время.

- И что же нам делать? - спросила Чэн Цянь.

- Есть много дел, которые мой господин должен решить. Наиболее важные из них - укрепить оборону города, успокоить простых людей, восстановить общественный порядок и возобновить сельское хозяйство...

Чэн Цянь слушала все это, чувствуя себя подавленной.

- Я действительно ничего в этом не понимаю. Могу ли я поручить это вам?

Она видела, как устал Сяо Цзинь в глубине души.

В этот момент Чэн Цянь почувствовала, что способность видеть внутренние эмоции другого человека - это не очень хорошая вещь.

Это было равносильно тому, чтобы вскрыть улыбающийся безмятежный фасад человека и

выставить напоказ его внутренние недовольство, злобу и насмешку.

Это бесконечно увеличивало злобность человека в ее глазах и заполняло пространство вокруг многочисленными отрицательными эмоциями, скрытыми в других.

Чэн Цянье удрученно отослала Сяо Цзиня, прежде чем отправиться в комнату Мо Цяошэна.

Когда Мо Цяошэн наконец увидел своего господина, он напрягся, пытаясь встать с постели.

Чэн Цянье легонько сжала его плечо.

- Ложись. Ты тяжело ранен, не двигайся.

Она не знала, о чем должен был думать этот тяжело раненый мужчина, чтобы чувствовать себя таким обреченным и полным самобичевания.

Но в тот момент, когда он увидел Чэн Цянье, прекрасный сапфирово-голубой цвет его ауры был мгновенно окаймлен кольцом из прочного сияющего золота.

После этого эти цвета постепенно смешались с другими прекрасными цветами, означающими радость и благодарность.

Это пролило бальзам на удрученное сердце Чэн Цянье.

После столь долгого нахождения в этом чужом для нее мире только этот раб был по-настоящему предан ей.

Она нравилась ему просто так, без всяких других желаний.

Чэн Цянье села рядом и нежно погладила его по голове.

- Ну же, я возьму тебя с собой искупаться в Источнике Лунного Духа. Это поможет твоим ногам исцелиться.

<http://tl.rulate.ru/book/51810/1354280>